

ЛИТЕРАТУРНАЯ АНТИУТОПИЯ В СИСТЕМЕ ЖАНРОВЫХ ДЕФИНИЦИЙ

Покотыло Михаил Валерьевич, кандидат филологических наук, Ростовский государственный университет путей сообщения, 344038, Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, д. 2, e-mail: *trpokotylo@yandex.ru*.

В статье рассматриваются основные проблемы интерпретации жанра литературной антиутопии в современном литературоведении. Антиутопия трактуется как «третичный жанр» в амбиутопической парадигме. Акцентируется внимание на сходстве и различии антиутопии с такими явлениями, как футурологический проект, научный прогноз, сказка и научная фантастика.

Ключевые слова: утопия, антиутопия, жанр.

The main problems of interpretation of a genre of literary distopia in modern literary criticism are considered in article. The distopia is treated as “a tertiary genre” in an ambiutopic paradigm. The attention is focused on similarity and distinction of distopia to such phenomena, as the futurological project, a scientific forecast, the fairy tale and science fiction.

Key words: utopia, distopia, genre.

LITERARY ANTI-UTOPIA IN SYSTEM OF GENRE DEFINITIONS

Pokotylo Mikhail V., Candidate of Philology, Rostov state university of means of communication, 344038, Russia, Rostov-on-Don, Rostovskogo Strelkovogo Polka Square of the National Militia, 2, e-mail: *mpokotylo@yandex.ru*.

Среди жанров XX в. особое место занимает литературная антиутопия, воплотившая трагическое мироощущение человека, представившая проблемную мировоззренческую парадигму прошедшего столетия, сумевшая воспроизвести современную картину мира и предлагающая свое видение перспектив развития человеческой цивилизации.

Современное литературоведение накопило достаточный опыт интерпретации различных аспектов теории и истории антиутопии, что обуславливает поливариантность подходов к решению ряда концептуальных вопросов. Так, до настоящего времени неоднозначно отношение к жанровой природе антиутопии, в особенности к ее корреляциям с другими компонентами жанровой системы, а также к определению онтологического статуса отечественной традиции антиутопии. Актуален вопрос систематизации жанровых дефиниций антиутопии.

Жанровая природа антиутопии трактуется современной наукой о литературе двойственно. Согласно первому подходу (см. работы Э. Баталова, Л. Хабибулиной [1, 10]), антиутопия, как и утопия, принадлежит к разряду внежанровых образований, в основе которых – некий «идеал», придающий своеобразие различным жанрам: роману, повести, поэме, путевым заметкам, рассказу. Данная концепция акцентирует внимание на мировоззренческом ядре феномена антиутопии. Согласно другому подходу (см. работы А. Зверева, Б. Ланина, Ю. Латыниной, О. Лазаренко), антиутопия имеет фиксированный жанровый характер, что отсылает к бахтинской концепции «первичных» и «вторичных» жанров. Согласно воззрениям М.М. Бахтина, «огромное большинство литературных жанров – это “вторичные” сложные жанры, состоящие из различных трансформированных “первичных” жанров (реплик диалога, бытовых рассказов, писем, дневников)». «Вторичные жанры» (сфера культурного письменного общения: наука, политика, литература), подобно «первичным жанрам» (сфера жизни), представляют собой «относительно устойчивый тип высказывания», имеющий свои «тематическое содержание, стиль и композиционное построение». «Вторичные жанры» только «разыгрывают различные формы первичного общения» [2].

О.А. Павлова по аналогии с бахтинским термином «вторичные жанры» вводит новый термин – «третичные жанры», к которым относит утопию и антиутопию, характеризуя их как «игру художественного мира и действительности, что наглядно отображает синтез науки, философии и искусства в их структуре» [9, с. 9–10]. «Третичный жанр» подчеркивает «пограничное состояние» между действительностью и воображаемой идеей. Трактовка утопии и антиутопии как «третичного жанра» позволяет выявить воздействие религиозных, философских, нравственных доминант, архетипов и мифов массового сознания на генезис и историческое функционирование антиутопии. Такой вектор жанровой дефиниции антиутопии представляется наиболее доказательным, поскольку он апеллирует не к мировоззренческой позиции, а к вопросам моделирования художественной реальности с последующим выходом на проблему статуса антиутопии.

О самостоятельности жанра антиутопии говорит целый ряд отечественных исследователей, в частности, Б. Ланин [5, 6]. Одним из определяющих условий формирования этого взгляда послужила книга американского литературоведа Г.С. Морсона «Границы жанра» [7], в которой сформулирован принцип диалектики утопических жанров – диалог утопии и антиутопии, примером которого исследователь считает «Дневник писателя» Ф. Достоевского. Г. Морсон рассматривает антиутопию как антижанр (пародийный жанр), прослеживает его специфику и приходит к выводу о пародийном потенциале антиутопии. Эта концепция расширила традиционные рамки интерпретации жанра антиутопии и оказала значительное воздействие как на зарубежное, так и на отечественное литературоведение, стимулировав появление ряда исследований. В частности, идеи Морсона были развиты отечественным исследователем Б. Ланиным, который характеризует антиутопию как автономный жанр, в своей основе представляющий псевдокарнавал, пародирующий как жанр утопии, так и утопическую идею в целом [5, с. 38–39]. Однако данная позиция, по нашему мнению, является спорной, так как, «даже если согласиться с тем, что литературная антиутопия – анти-, но, тем не менее, самостоятельный жанр, следует, вероятно, признать, что антиутопия, отрицая утопию, развивается на основе характерных для утопии жанровых принципов. В то же время, в соответствии с законами диалектики, антиутопия, в свою очередь, становится отправной точкой для развития утопии, с последующим новым спиралевидным изменением и собственной сути, но уже на основе новой утопии» [11, с. 200].

Большинство исследователей полагает, что утопия и антиутопия принадлежат к одному жанру. Правомерно мнение О.А. Павловой, которая рассматривает утопию и антиутопию как единый жанр, «существующий в литературном процессе на «стыке» науки, философии и словесного творчества», представляющий себя как «пограничное поликомпонентное жанрообразование, художественную систему которого формирует взаимодействие структурообразующей модели идеального мира и художественной реальности, оформленной по «инвариантам» жанров, наиболее востребованных в эпоху создания произведения». В то же время «с учетом полиструктурности утопия и антиутопия воспринимаются не как различные жанры, а трактуются как два диаметрально противоположных ценностных отношения к утопическому миру, "проектируемому" социокультурной моделью» [9, с. 9].

Наиболее плодотворным, с нашей точки зрения, представляется изучение утопии и антиутопии как взаимообусловленных жанров в *амбиутопической парадигме*, предполагающей амбивалентное сочетание утопизма и антиутопизма, противоречивое, амбивалентное отношение к будущему, которое имеет как позитивные, так и негативные аспекты. Мы согласны с разработанной А.Н. Воробьевой концепцией метажанра применительно к утопии и антиутопии, где утопия и антиутопия трактуются как единый жанр – метаутопия, в котором диалектически совмещаются общие и различные черты утопии и антиутопии. Под метажанром понимается общая художественная структура для группы текстов, обусловленная единым предметом изображения. В основе метажанра лежат более общие (укрупненные) конструктивные принципы (в терминологии Н. Лейдермана), нежели в основе собственно жанра. Эти

принципы увеличивают объем жанра, придают ему такие масштабы, в которых теряется семантика жанра как внутренне сбалансированной системы, организующей произведение в целостный образ мира), «совмещающий противоположные знаки одних и тех же эстетических установок, включающих в себя: 1) изображение коллектива, организации, общества как модели лучшего (утопия) или худшего (антиутопия) государственного строя; 2) отказ от настоящего, который выражается в радикальных формах: разрыв с привычной средой, эскапистский уход в другое, закрытое пространство, переход в другое время; 3) коллективный характер утопической цели» [3, с. 20].

Несмотря на большое количество вариантов жанровых определений, по мнению исследователя, в науке намечились две основные градации: утопия (изображает идеально хорошее общество) и антиутопия (описывает идеально плохое общество). Отличительной чертой зарубежного литературоведения является синонимия дефиниций «антиутопия» и «дистопия», а также отсутствие четкой границы между антиутопией и романом-предупреждением, «поскольку основная задача обоих – предупреждать о возможных и непредвиденных изменениях в мире» [3, с. 21–22].

Поскольку антиутопия развивалась не в отрыве от культурных традиций, не как герметичный феномен, а в контексте литературного и культурного процесса в целом, естественно, что существует ряд сходных в своих чертах явлений человеческой культуры, которые следует не только от нее отграничить, но и выделить грани их взаимодействия для определения путей их взаимообогащения. Такое направление исследования позволит детально рассмотреть вопрос жанрового статуса антиутопии. Современные научные концепции постулируют близость к негативной утопии в сфере литературы сказки и научной фантастики, а в науке – философского футурологического проекта и прогностики.

Связь литературной антиутопии и философского футурологического проекта объясняется общностью времени возникновения и общей основой философского и художественного мышления, которые в древности были неразрывно связаны, синкретичны. Художественная литература – это способ мышления не просто родственный философскому мышлению, но зачастую выступающий его эстетическим эквивалентом, имеющий с философией общий объект – человека. Так, Е.А. Коломийцева полагает, что утопия и антиутопия первоначально зародились как «средство образной корректировки философских идей, философской футурологии», и в процессе своего развития постепенно отошли от строгой привязанности к философской доктрине: «Поэтому литературная антиутопия, как и вся литература в целом, не утрачивает связь с философией, а возводит ее в новое качество, испытав огромное влияние социально-философского романа и сама став нетрадиционной формой философствования... Литература наряду с философией, способна обеспечивать выработку идей и концепций и их циркуляцию в культуре, причем это такая форма философского мышления, которая наиболее доступна каждому человеку» [4, с. 32].

Еще одной сферой взаимодействия характеризуются антиутопия и прогноз, которые «готовят человека к будущему», причем такая подготовка основывается на предпосылках, существующих в современных для автора условиях: и антиутопия, и прогноз основываются на реальных фактах действительности и строят картину возможного и неизбежного будущего. В то же время антиутопия, являясь художественным антипрогнозом (отрицательным прогнозом), выступает как познавательная сущность, оставаясь «произведением искусства», отличаясь «от социального прогноза, который есть плод философской и даже научной, исторической, деятельности» [4, с. 34].

Типологической основой, на которой происходит сближение сказки и антиутопии, выступает тот факт, что они являются повествовательными жанрообразованиями и имеют некоторые параллели в области содержания. В.Я. Пропп отмечал, что «глубоко внутренним органичным признаком» сказки является ее «несбыточность», а отсюда и неверие в действительность рассказываемых в ней событий. У сказки, безусловно, есть дидактическая цель, но она не первична в ряду приоритетов сказки. Антиутопия имеет другую повествовательную стратегию: она «настаивает если не на реальности описываемого, то хотя бы на возможности или осуществимости предла-

гаемого образца», ее главная функция – показать предполагаемые последствия воплощения в жизнь утопических проектов и предостеречь от отрицательных последствий этого. Поэтому здесь дидактическая задача выступает на первый план и является основной.

Существуют различные точки зрения на взаимосвязь утопии и фантастики. Одни литературоведы в своих исследованиях «склоняются к тому, что современная научная фантастика органически связана с утопическим романом. Другие полагают, что научная фантастика – это не что иное, как современная форма утопического романа» [8, с. 21]. Неслучайно с 1970-х гг. в литературоведческих словарях утопия и антиутопия рассматриваются как разновидности жанра научной фантастики. Рассмотрению антиутопии в одном ряду с научной фантастикой способствуют схожие атрибуты: действие обращено в будущее, насыщено техническими изобретениями. Кроме этого, антиутопия активно использует приемы фантастического описания (техники будущего, космических аппаратов, новых технологий), заимствует у научной фантастики трансформацию временных структур (путешествие во времени). Но у этих жанрообразований фиксируется разная специфика «видения» и «понимания» действительности. Антиутопия в отличие от научной фантастики изображает не просто вымышленное, несуществующее, а так называемое «идеальное», тоталитарное общество, способное появиться в результате воплощения утопических идей. Итак, формирование жанра литературной антиутопии в тесной связи с научным прогнозом, футурологическим проектом, сказкой и фантастикой существенно обогатило ее художественный мир и немало способствовало появлению ее в том виде, в каком она предстает перед читателями сегодня. В то же время, несмотря на генетическую, содержательную связь с упомянутыми явлениями, антиутопия самобытна и самостоятельна в своем жанровом развитии.

Список литературы

1. Баталов Э. Я. В мире утопии: пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах / Э. Я. Баталов. – Москва : Политиздат, 1989. – 319 с.
2. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1986. – 552 с.
3. Воробьева А. Н. Русская антиутопия XX – начала XXI веков в контексте мировой антиутопии : дис. ... д-ра филол. наук / А. Н. Воробьева. – Саратов, 2009.
4. Коломийцева Е. Ю. Формирование жанровой проблематики и поэтики литературной антиутопии в художественной прозе русских писателей XIX века : дис. ... канд. филол. наук / Е. Ю. Коломийцева. – Ставрополь, 2001.
5. Ланин Б. А. Антиутопия / Б. А. Ланин // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под редакцией А. Н. Николюкина. – Москва, 2001. – С. 38–39.
6. Ланин Б. А. Русская литературная антиутопия XX века дис. ... д-ра филол. наук / Б. А. Ланин. – Москва, 1993.
7. Морсон Г. Границы жанра / Г. Морсон // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. – Москва : Прогресс, 1991. – С. 233–251.
8. Павлова О. А. Изучение произведений утопического и антиутопического жанров на уроках литературы в старших классах : дис. ... канд. пед. наук / О. А. Павлова. – Москва, 2004.
9. Павлова О. А. Русская литературная утопия 1900–1920-х гг. в контексте отечественной культуры : дис. ... д-ра филол. наук / О. А. Павлова. – Волгоград, 2006.
10. Хабибуллина Л. Ф. Антиутопия в творчестве Энтони Берджесса : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Ф. Хабибуллина. – Н. Новгород, 1994. – 16 с.
11. Шишкина С. Г. Истоки и трансформация литературной антиутопии XX века / С. Г. Шишкина. – Иваново : Иван. гос. хим.-технол. ун-т, 2009. – С. 38.

References

1. Batalov Je. Ja. V mire utopii: pjat' dialogov ob utopii, utopicheskom soznanii i utopicheskikh jeksperimentah. – Moskva : Politizdat, 1989. – 319 s.

2. Bahtin M. M. Literaturno-kriticheskie stat'i. – Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1986. – 552 s.
3. Vorob'eva A. N. Russkaja antiutopija HH – nachala HHI vekov v kontekste mirovoj antiutopii : dis. ... d-ra filol. nauk. – Saratov, 2009.
4. Kolomijceva E. Ju. Formirovanie zhanrovoj problematiki i pojetiki literaturnoj antiutopii v hudozhestvennoj proze russkikh pisatelej HHI veka : dis. ... kand. filol. nauk. – Stavropol', 2001.
5. Lanin B. A. Antiutopija // Literaturnaja jenciklopedija termi-nov i ponjatij / pod redakciej A. N. Nikoljukina. – Moskva, 2001. – S. 38–39.
6. Lanin B. A. Russkaja literaturnaja antiutopija HH veka dis. ... d-ra filol. nauk. – M., 1993.
7. Morson G. Granicy zhanra // Utopija i utopicheskoe myshlenie: antologija zarubezhnoj literatury. – Moskva : Progress, 1991. – S. 233–251.
8. Pavlova O. A. Izuchenie proizvedenij utopicheskogo i antiutopicheskogo zhanrov na urokah literatury v starshih klassah : dis. ... kand. ped. nauk. – Moskva, 2004.
9. Pavlova O. A. Russkaja literaturnaja utopija 1900–1920-h gg. v kontekste otechestvennoj kul'tury : dis. ... d-ra filol. nauk. – Volgograd, 2006.
10. Habibullina L.F. Antiutopija v tvorčestve Jentoni Berdzhessa : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – N. Novgorod, 1994. – 16 s.
11. Shishkina S. G. Istoki i transformacija literaturnoj antiutopii HH veka. – Ivanovo : Ivan. gos. him.-tehnol. un-t, 2009. – S. 38.

АСПЕКТЫ ФУНДАМЕНТАЛЬНОСТИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Акмамбетова Марияш Елемесовна, доцент, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: akmambetova@mail.ru.

Природа университетского образования не является в узком смысле профессиональной; образование должно стать некой базой для становления специалиста. Практика подготовки специалиста носит научно-технологический характер, и специфика научно-педагогической деятельности представляется как особая совместная деятельность науки, научно-методологической трансформации и современного учебного процесса. Важным признаком фундаментальности образования является формирование способности «упаковывать современные знания».

Ключевые слова: университет, университетское образование, фундаментальное образование, всемирный кризис образования, единство и универсальность знания, качество носителя знания, качество образования, качество знаний.

ASPECTS OF FUNDAMENTAL NATURE UNIVERSITY EDUCATION

Akmambetova Mariyash E., assistant professor, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, Tatischev St., 20a, e-mail: akmambetova@mail.ru.

The university education nature isn't professional in narrow sense; it (formation) should become a certain base for formation of the expert. Practice of preparation of the expert has scientifically-technological character, and specificity of scientific and pedagogical activity is represented as special joint activity of a science, scientifically-methodological transformation and modern educational process. An important sign of fundamental nature of knowledge is ability formation "to pack modern knowledge".

Key words: university, university education, fundamental education, the world crisis in education, unity and universality of knowledge, quality of the knowledge conveyer, quality of education, quality of knowledge.

Перспективы развития рынка труда связаны с квалификацией, и образование не может ориентироваться на сегодняшнюю ситуацию, оно должно работать на будущее, что невозможно без ориентации на фундаментальность знаний. Университет становится гарантом, механизмом такой социальной потребности, как стабильное, устойчивое развитие общества.

Говоря об истории университетов как образовательных и общественных институтов следует выделить несколько этапов.

Европа знакома со словом «университет» еще с начала XIII в., которое служило для обозначения Сорбонны во Франции, Оксфорда и Кембриджа в Англии, Хайдельберга и Тюбнгена в Германских государствах, Болоньи в Италии.

Для Нового времени характерна система высшего образования и в то же время некая автономия «университета», когда вместе со становлением индустриальных обществ накопление капитала и определенная организация производства создают своего рода двигатель экономического и социального развития. Университеты, рождаясь как бы заново в момент социального прогресса, содействуют созданию иной модели знания, где исследования и предметность играют важнейшую роль. Становясь «государством в государстве», университеты имеют возможность создать и сохранить